

Глава первая

Харпер

По лобовому стеклу ручьем льет вода, и сквозь нее дом, у которого я припарковалась, кажется лишь желтым пятном. Впрочем, неважно — я и так отлично помню, как он выглядит.

Солнечные стены. Белые жалюзи. Кривые перила. Качели на крыльце.

На меня накатывает горько-сладкая ностальгия — как всегда, когда встречаешь нечто связанное с детством. Это знакомое, бодрящее и в то же время печальное чувство. Ты словно оглядываешься на время, которое не вернешь, — и тебя накрывает досада, что не ценила простоту жизни, когда могла. А еще к этому примешивается другая истина: то, о чем ты мечтала, — взрослый возраст, самостоятельность — не такое уж все это радостное и приятное, как казалось тогда.

По стеклу проезжают дворники и убирают скопившуюся влагу. На пару секунд в ярком свете фар проступают детали: желтые стены, аккуратный ряд цветущих голубых гортензий. Дом выглядит милым, безмятежным. Местом, где можно спрятаться от мирских забот.

Доказательство, что внешность бывает обманчива.

Я поворачиваю ключ и глушу двигатель. Один из плюсов жизни на юге Манхэттена — по городу вполне можно передвигаться и без машины. Обычно мой старенький джип прохлаждается в гараже, но, когда нужен, работает на совесть. А значит, смысла нет покупать автомобиль посовременнее,

типа тех, которые заводятся простым нажатием кнопки. Если честно, даже если мой старичок забарахлит, я ни за что от него не избавлюсь.

Я крепко сжимаю в руке ключ. Металлические зубцы впиваются в кожу. Напоследок вдыхаю поглубже, наполняя легкие очищенным кондиционером воздухом, и открываю дверь... Тут же становится прохладно и сыро.

Дворники застыли посреди лобового стекла. Пару секунд я думаю: «Не включить ли машину снова, чтобы убрать их в сторону?» После решаю, что оно того не стоит. Стратегически отложу на потом.

Стоит мне выйти из машины и ступить на обломки ракушек, которыми усыпана подъездная дорожка к дому, как мои волосы пропитываются дождем. Пряди липнут к вискам; струи текут по лицу и голой коже рук.

В прохладном ливне есть даже что-то приятное. Он словно очищает.

Успокаивает.

Я снова глубоко вдыхаю, пытаюсь насытиться ароматом Порт-Хэвена, городка в Мэне. Запах этот полон меланхолии: солнечных дней и ночных гроз, легкого флирта и взаимной влюбленности, счастья и разбитого сердца. А еще сосен и чистого кислорода.

Вдалеке гремит гром.

Я всегда любила грозы, особенно летом. Есть в них какая-то сила. Пыл. Насыщенность. В общем, все то, чего нет в моей жизни. В последнее время она состоит лишь из страха и предсказуемости.

Вместо того чтобы направиться к дому (и распаковать две сумки, лежащие в багажнике джипа), я бреду по тротуару, стараясь не наступать на скопившиеся там и сям лужи. Под конверсами хрустят обломки ракушек.

Порт-Хэвен — городок крошечный. В детстве, когда мы жили в одном из пригородов в Коннектикуте, летние

поездки сюда казались глотком свежего воздуха. Каждый дом, мимо которого я прохожу, не похож на другие — это вам не бесконечный ряд городских зданий, которые все как под копирку! Удивительно, но большинство коттеджей ни капли не изменились с тех пор, как я была подростком. Дом семьи Макнелли, в трех зданиях от нашего, по-прежнему сияет ярко-красным. На фоне серых грозовых туч он кажется сладким яблочком. На другой стороне улицы виден штакетник, отделяющий двор Гарретов от тротуара. К нему приставлены три велосипеда, и ни на одном нет замка — еще один признак того, что мегаполис остался далеко позади.

Я сую руки в передние карманы джинсовых шорт и морщусь — влажная ткань противно трется о кожу. Но это, как я и надеялась, возвращает меня в настоящее. Я приехала сюда, чтобы двигаться вперед, а не предаваться далеким воспоминаниям.

Однако, находясь в Порт-Хэвене, почти невозможно не тосковать о прошлом. Меня буквально сносит в то время, когда все казалось простым и идеальным — хоть это и было не более чем милой иллюзией. Когда-то этот городок был моим самым любимым местом на земле. Я и сейчас ощущаю здешние счастье и тепло — их только накрыли более темные эмоции, в которых слишком легко утонуть. Они словно грозы, вроде той, что сейчас гремит над моей головой.

Может, Порт-Хэвен и не изменился за последние десять лет, но я — еще как!

Я прогуливаюсь по тихой, спокойной улице и будто срываю пластырь со старой раны. Вроде она должна была давно зажить и оставить лишь шрам. Однако, хорошенько присмотревшись, я понимаю — рана по-прежнему свежая.

Время лечит, только если ощущаешь его течение. А горе измерить невозможно.

Конец Эшленд-авеню упирается в банальную Мэйн-стрит, то есть «главную улицу» — остов маленького центрального района Порт-Хэвена.

Нужное мне здание находится прямо на углу. Свет из его окон горит сквозь дождь и темноту, словно маяк в ночи. Это — супермаркет на Мэйн-стрит, он же негласный общественный центр городка и его единственный продуктовый магазин. Автоматические двери распахиваются, и меня вновь наводняют воспоминания: вот я покупаю фруктовый лед, чтобы уплетать его на берегу озера, и выбираю булочки для хот-догов перед вылазкой на пикник. Простые, счастливые времена...

Меня приветствует режущий глаза свет и едкий запах моющего средства. Мокрые кеды скрипят по линолеуму.

Даже отделы в магазине располагаются точно так же, как десять лет назад. На входе — овощи, фрукты и зелень; от дополнительного охлаждения по коже бегут мурашки. Прилавков с мясом находится в самом центре — в основном там лежит нарезанная рыба, а рядом — непрерывно булькающий аквариум с лобстерами. Алкоголь же расположен в самом дальнем углу, и, чтобы добраться до него, нужно пересечь весь супермаркет.

Я беру пару лаймов из корзины с зелеными цитрусами, приткнувшейся возле бананов, и направляюсь к полке со снеками. Какое-то время колеблюсь: кукурузные палочки с сыром или картофельные чипсы? Вскоре останавливаюсь на вторых — тех, что с солью и уксусом. Сойдут в качестве позднего ужина. После я спешу к дальней части магазина и быстро выбираю, что бы выпить.

Захватив с нижней полки бутылку текилы, занимаю очередь в экспресс-кассу — все остальные закрыты. В супермаркете почти никого, что и неудивительно: для большинства местных жителей время для покупок слишком позднее, а наплыв туристов к концу августа уже закончился. Передо мной в очереди всего один парень.

С моей промокшей насквозь одежды капает вода. Дождаясь, пока парень оплатит покупки, я рассматриваю жалкие остатки кораллового лака на ногтях. Уверена, мама и Амелия как пить дать поставят мне это на вид. Что ж! Лучше вытерпеть укоры за плохо покрашенные ногти, чем показать проблемы, скрывающиеся за неухоженной внешностью. Так я всегда и общаюсь с семьей: чем больше выпячиваю наши различия (то есть свои недостатки), тем спокойнее разговоры. После столь очевидных и поверхностных тем для обсуждения до болезненных вопросов дело точно не дойдет. Ужасный маникюр — ничто по сравнению с отсутствием парня или нормальной работы.

Мне двадцать семь, и родня немного припозднилась с тем, чтобы решать, как мне жить. А еще я знаю, что они хотят для меня лучшего — просто неумело скрывают это за осуждением и разочарованием. Например, мама иногда упоминает неженатых сыновей некоторых своих подруг, а сестра рассказывает, что многим ее одноклассницам в юридическом университете было по двадцать пять — тридцать лет. Отношения с инвестиционным банкиром или учеба на адвоката привлекают меня примерно настолько же, как уход из супермаркета с пустыми руками.

То есть не привлекают *абсолютно*.

В заднем кармане шорт вибрирует телефон. Наверное, это Оливия — лучшая подруга и соседка по квартире. Кому еще я могла понадобиться столь поздно вечером? Оливия — медсестра в реанимации, и расписание у нее настолько запутанное, что даже я не могу в нем разобраться — а ведь мы вместе живем!

Я тянусь к телефону и случайно роняю лайм. Зеленый фрукт не спеша, словно издеваясь, укатывается в сторону.

— Черт, — бормочу я под нос.

Если наклонюсь, выроню чипсы или текилу, а с этими сокровищами я расстаться не готова. Поэтому я решаю

забить на звонок и подойти ближе к кассе. Я нарочно встаю вплотную к парню в очереди — он до сих пор не оплатил покупки, а ведь их уже пробили и сложили в пакет! Поседеешь с такими!

— Можно я...

Я собираюсь спросить кассира, разрешит ли он мне сложить продукты на пустое пространство рядом с терминалом оплаты... Однако по неизвестной причине посередине фразы решаю взглянуть на тормоза рядом со мной.

А может, причина *вполне* известна.

Может, это остатки желаний, с которыми я боролась в тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать и семнадцать лет — все пять каникул, когда он жил по соседству. Тогда я из подросткового упрямства твердо решила не быть типичной девчонкой, которой нравится тот же красивый парень, что и всем. Парень, каждое утро выходивший на пробежку без майки. Парень, который позже предпочел мне мою младшую сестру.

Дрю Галифакс улыбается мне из-под козырька потертой бейсболки — и мое глупое сердце пропускает пару ударов. Наверное, виной всему смесь ностальгии и гормонов. Горло пересыхает, ладони потеют.

Я сглатываю и вдруг — холодный душ! — понимаю, что ужасно выгляжу. Выцветшая футболка, которая насквозь промокла и наверняка просвечивает. Грязные кеды, влажные волосы. В руках — дешевый алкоголь, с одежды капает вода, будто я забыла ее снять перед походом в душ. Я никогда не представляла случайную встречу с Дрю во взрослом возрасте, но сцена мечты точно выглядела бы иначе.

Я стараюсь не подавать виду и не обращать внимания на текущие по лицу, словно слезы, капли дождевой воды, но безуспешно. Не будь мои руки заняты бутылкой и чипсами, я бы попыталась привести себя в порядок. И вряд ли бы это помогло...

— Приветик, — говорит Дрю. — Помнишь меня?

С другим парнем я бы притворилась, что нет. Ведь целью вопроса было выпендриться, сказать «посмотри, каким я стал». Потешить свое самолюбие тем, что я даже через десять лет помню слишком многое — и тот самый короткий момент тоже. Услышать, что я знаю: он знаменитый спортсмен, который появляется на обложках журналов и зарабатывает миллионы.

Дрю принимает мое растерянное молчание за отрицательный ответ.

— Я Дрю, Дрю Галифакс. Мы с родителями жили по соседству.

Я машинально киваю — от изумления дергано, фальшиво, скованно. Я не ожидала встретить Дрю здесь — да и вообще где-либо. И уж тем более не думала, что он меня узнает.

Я кашляю, борясь с сухостью в горле:

— Ага, помню.

В нашу прошлую встречу Дрю было семнадцать. Порой я искала в Google его имя и читала статьи — обычно, когда напивалась. Однако я бы и так его узнала. Волосы Дрю оттенка «пепельный блонд» раньше были лохматыми, а теперь он подстригся так коротко, что в них едва зароешься пальцами. Такая длина подчеркивает, насколько острее и жестче стали черты его лица. Он уже не мальчик, а мужчина.

А вот глаза Дрю не изменились совсем — манящие, цвета мха. Они притягивают меня точно так же, как и раньше. Черт!

Парень, как выразилась бы Оливия, «ужасно горяч».

Я снова кашляю, торопливо пытаюсь взять себя в руки.

— Знаешь, ты, типа, знаменит.

Это своего рода проверка: я хочу узнать, насколько раньше смущавшийся от похвалы парень изменился за годы славы и восхищения.

Дрю улыбается. Вроде ничего особенного, но я разом расслабляюсь, а сердце начинает стучать как бешеное. В уголках его глаз появляются легкие морщинки, а на щеках — милейшие ямочки.

— «Типа» значит?

Он выглядит так, будто рад (даже счастлив?) меня видеть. Это странно и неожиданно; подростками мы никогда не были так уж близки, просто вместе тусили в компании ребят, которых родители привозили в Порт-Хэвен с июня до августа. И до и после его неудачного романа с Амелией мы едва общались. И ничего особо запоминающегося между нами не происходило.

Я хорошо помню проведенное с Дрю время только из-за своей дурацкой влюбленности. Той самой, которая, видимо, так до конца и не прошла. Его улыбка отдается по всему телу, окатывает так же сильно, как и ливень на улице. Аж кожу покалывает.

— Как жизнь, Харпер? — спрашивает Дрю с той же радостью в голосе. Черт, будь она фальшивой, уже успела бы пропасть.

— Нормально, — быстро отвечаю я.

Я ожидаю, что на этом все и закончится: мы обменяемся любезностями и пойдем каждый своей дорогой.

В целом Дрю всегда был добрым. Таких искренних парней, как он, я почти не встречала ни в старшей школе, ни вообще когда-либо в жизни. В подростковые годы меня тянуло к Дрю не только из-за его внешности. Приятно знать, что слава не подпортила его характер. Это успокаивает — как и факт, что за столько лет городок ничуть не изменился.

— Надолго ты тут? — спрашивает Дрю.

Это мне только кажется или он явно растягивает разговор, не ограничиваясь парой «обязательных» дежурных фраз? И это при том, что мог совершенно спокойно промолчать с самого начала.

Я качаю головой:

— Переночую, и все.

Дрю мельком смотрит на меня, а затем — на мою одежду. Взгляд не выражает ни интереса, ни осуждения. Скорее, он чего-то ждет. Может, хочет знать о том, почему я вернулась и на такой короткий срок? Если, окончив школу, он приезжал в Порт-Хэвен регулярно, то должен быть в курсе, что я этого не делала. И причину тоже.

У меня такое впечатление, что всех моих знакомых интересует в основном лишь минимальный обмен любезностями, а не нормальный разговор. Грустно все это. А еще печальнее то, что зачастую так оно и есть.

— А ты? — говорю я, прижимая к себе покупки. Отвечать парню и ничего не спрашивать самой кажется грубым. — Надолго здесь?

— Не знаю. Приехал неделю назад. До предсезонных матчей еще далековато. Надеялся отдохнуть здесь с родителями, как раньше, но... — Дрю трет лоб, сбивая бейсболку, а затем натягивает ее обратно. — У отца год назад случился инсульт, и теперь ему сложнее передвигаться. По сути, они с мамой почти не покидают Бостон.

— Мне очень жаль, — вздыхаю я.

Эйдена Галифакса я помню весьма смутно. В годы, когда я приезжала сюда на лето, он был веселым и всегда улыбался. Солнечный человек, обожающий хоккей так же, как и сын. Жизнерадостной под стать ему была и мать Дрю, Ребекка. Она из тех мам, которые готовят печенки с шоколадными каплями и домашний лимонад — полная противоположность моей.

У меня возникает дурацкое чувство, что мне следовало знать о болезни отца Дрю. Но с чего? Мы же не поддерживали связь. Случившееся — дело его семьи, и он, разумеется, не стал делиться им с толпой ярых фанатов, которые тащатся от его взмахов клюшкой и кубиков на животе. Дрю

вообще никогда не выкладывает личные вещи в соцсетях. А моя мать много лет назад оставила этот город. Уверена — она не особо общается с четой Галифакс.

— Спасибо, — отвечает Дрю.

Он трет ладонью челюсть. Значит, ему неловко от сочувствия. Ну, выходит, у нас есть хоть что-то общее.

Я невольно замечаю острый угол челюсти и легкую щетину.

— И... соболезную насчет отца, — добавляет Дрю. — Я хотел прийти на похороны, но мне надо было в школу, и...

— Все нормально, спасибо, — отрезаю я.

Краем мысли осознаю, что мой голос стал резким и нервным, а на слове «нормально» и вовсе почти сломался. Я-то думала, что Дрю мялся из-за мыслей о своей семье! Да, я солгала, однако обсуждать случившееся с ним не хочу ни капли. Особенно здесь.

Дрю кратко кивает. Лицо у него серьезное. Он человек искренний, но понять это выражение мне тяжело: ему уютно или же он меня понимает?

Я выдыхаю:

— Прости. Я просто...

— Не переживай. Сам виноват. Нечего было поднимать тему.

Я едва киваю, соглашаясь не пойми с чем. В горле образовывается большой ком.

Со смерти папы прошло десять лет, однако сочувствие Дрю задевает так, будто его не стало вчера. При этом мне не неприятно слышать это от него. А вот от других еще как! И сейчас, и раньше. Кажется, почти все согласились с тем, что у горя есть некий срок, и через какое-то время ты уже его не чувствуешь. По лицу Дрю видно — он другого мнения.

— С вас шестьдесят три доллара сорок пять центов.

Я дергаюсь. Я вообще забыла, что мы стоим на кассе в супермаркете! Ну, как бы одни, но не совсем. Дрю приходит

в себя быстрее: кивает кассиру, достает кредитку из кошелька и касается терминала.

Кассир — нескладный парень, на вид старшеклассник — поглядывает то на экран компьютера, то на Дрю. Я и сама украдкой на него посматриваю — и тут замечаю, что он занимается тем же самым.

Я быстро отвожу взгляд, чувствуя, как щеки против воли заливаются краской.

«Он просто вежливый», — говорю я себе. Однажды я уже понадеялась на что-то с Дрю Галифаксом, а потом мои мечты рассыпались в прах: в него влюбилась моя младшая сестра. От возвращения сюда у меня голова кругом.

— Спасибо, — кивает Дрю, собираясь забрать чек.

— Можно автограф? — выпаливает кассир.

Вопрос звучит быстро, как одно склеенное слово, будто выдох на приступе храбрости. Теперь понятно, почему очередь тянулась так долго.

— Конечно.

Дрю меня ничуть не удивляет. Он, судя по всему, из тех знаменитостей, которые чувствуют ответственность перед фанатами, а не считает их обузой. Я наблюдаю, как он берет фломастер с подставки у доски, на которой сообщают о еженедельных скидках, и расписывается на чистой стороне чека.

— Как тебя зовут?

— Дастин.

Дрю добавляет над автографом подпись «Дастину», а затем отдает бумажку школьнику. Кассир берет ее бережно, словно фарфоровую чашку.

— Спасибо вам большое!

Дрю улыбается и наклоняется. Я с запозданием осознаю зачем: он хочет поднять тот чертов лайм, о котором я успела напрочь забыть!

— Я сама!

Делаю шаг вперед, и в тот же момент Дрю выпрямляется.

Мы вдруг оказываемся близко друг к другу, даже слишком. Я вижу крошечную веснушку слева от его нижней губы. Замечаю легкую горбинку на переносице, наверняка оставленную шайбой. Чувствую запах его одеколona — головокружительную смесь сандалового дерева и кедрa.

Дрю кладет лайм на кассовую стойку. Я быстро отстраняюсь и смотрю на зеленый фрукт. Сомневаюсь, что устеленный линолеумом пол часто моют, однако цитрус вроде не пострадал. Тащиться через весь магазин за другим мне не хочется. С лаймом или без — я все равно напьюсь текилы.

— Спасибо.

Дрю кивает, и уголок его губ слегка приподнимается. Он осматривает товары в моих руках. Его покупки уже в пакете, поэтому я не могу сделать то же. Но сомневаюсь, что *он* взял алкоголь и вредные снеки.

Я почти не разбираюсь в хоккее, но знаю, что летом профессионалы в него не играют. Однако несмотря на то, что сезон не начался, Дрю в шикарной физической форме. На нем баскетбольные шорты в сеточку, футболка и кроссовки — ничто не прикрывает ни подкачанные икры, ни вздутые бичепсы. Очевидно, что парень отлично следит за своим телом.

Я кладу на прилавок второй лайм, а еще пачку чипсов и бутылку текилы. Кассир медленно сканирует покупки и постоянно отвлекается на Дрю. Вау, ну просто плюс десять к моей самооценке!

Дрю уже забрал пакет с едой, но не уходит. Дожидаясь, пока пробьют товары, я поглядываю на него. Он смотрит в телефон, который наверняка достал из кармана, и проводит по экрану пальцем, хмуря брови.

Он что, ждет *меня*? Другой причины, почему он торчит в магазине, мне в голову не приходит. Если только он не думает, что работающий здесь парень захочет еще один автограф.

Кассир просит у меня удостоверение личности. Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза: я уж точно не выгляжу моложе двадцати, хоть и одета как неопрятный подросток. Однако я молча протягиваю водительские права, после оплачиваю покупки и забираю бумажный пакет.

Дрю выходит на улицу вместе со мной. Из затянувшихся небо темных туч по-прежнему льет дождь. Вода капает с козырька крыши и барабанит по тротуару.

Мы оба задерживаемся у двери магазина, но, вопреки моим ожиданиям, неловкости между нами нет. Скорее какая-то неясность, неточность. Понятия не имею, о чем думает Дрю.

— Ты сюда пешком пришла? — спрашивает он.

Голос и вопрос звучат так буднично и спокойно, словно встретиться со мной в супермаркете на Мэйн-стрит — обычное дело. От этого тревога в моей душе спадает. Больше не нужно придумывать отмазку, чтобы уйти. С моего путешествия сюда я будто в кроличью нору провалилась. Любые проблески обыденности, пусть даже фальшивой — как бальзам на душу.

— Ага. А ты?

— Тоже.

Дрю кивает влево, в сторону Эшленд-авеню, — туда нужно нам обоим. Его зеленые глаза с немым вопросом заглядывают в мои.

Я киваю и слегка улыбаюсь, крепче сжимая ручки пакета, а затем выхожу под дождь. Не то чтобы я не хочу провести с Дрю больше времени — еще как хочу! Однако слишком хорошо представляю, как это будет выглядеть. Я погружена в меланхолию: потеряна в прошлом, волнуясь о будущем. Я совершенно не готова флиртовать, улыбаться и делать вид, что у меня все в порядке. Обычно мне нетрудно притвориться энергичной, собранной и уверенной, но не сегодня. Не здесь.

Я топаю по залитому водой тротуару, и на плечи наваливается усталость. Сегодня я хочу лишь переодеться в пижаму и наглотаться текилы, не думая о том, как выглядит моя прическа. Знаю — с Дрю так не получится. На него нельзя не обращать внимания. Мы идем по улице, шлепая по потрескавшемуся асфальту, и присутствие моего спутника словно молчаливая тень рядом. Дрю не произносит ни слова.

Разговор начинаю я. Шум дождя несколько заполняет тишину, и все же странно идти с едва знакомым человеком и молчать.

— Я не шарю за хоккеем, но подруга с работы — та еще фанатка. Когда я рассказала ей, как мы с тобой плавали до пирса в четырнадцать лет, она чуть со стула не упала!

Дрю бросает на меня взгляд и слегка улыбается.

— А чем ты занимаешься?

— Хм?

— Ну, кем работаешь?

— А... — Я крепче стискиваю ручку пакета. Как же я ненавижу этот вопрос! — По большей части отвечаю на звонки и разношу кофе. Пока не решила, чего мне хочется от жизни.

Я выдавливаю из себя смешок.

— А надо? — спрашивает Дрю.

Я пытаюсь скрыть изумление, но выходит плохо. Мне и раньше так отвечали, но только люди, которым я знатно приукрасила свои обязанности. Те, кто слышал: «Я ассистентка в “Эмпайр-Рекордс”, работаю с исполнителями и отслеживаю продажи альбомов» — и представлял, что я вожусь со знаменитостями и помогаю им с карьерой. Никто из моих клиентов ни на йоту не достиг успеха Дрю.

— Так считают некоторые.

В том числе родственники. В моем голосе сквозит горечь.

— Что ж, главное, как считаешь *ты*.

— Ага, так и есть, — отвечаю я.

Типичная фразочка мультимиллионера, мелькает в голове. Так легко делать что душе угодно, когда не нужно думать о счетах за квартиру!

Не то чтобы я злюсь на Дрю из-за его успеха. Просто легче быть смелым, когда есть финансовая подушка безопасности. У него она имеется, а у меня — нет.

Мы сбавляем шаг и постепенно останавливаемся у желтого дома. Я окидываю взглядом знакомый силуэт: этот коттедж родители купили, когда я училась в седьмом классе. Я провела много каникул в съемных домах, обычно у озера Полсон, а потом пять — здесь.

Как же обидно: то, что хочешь забыть, легко всплывает в памяти, а то, что пытаешься вспомнить, теряется. Я отрываю взгляд от солнечно-желтых стен и смотрю на соседний голубой дом — Галифаксов. А потом — на Дрю.

— Из планов на вечер у меня только распитие текилы, — вырывается у меня. — Если хочешь потусить вместе, у меня полно... — мой голос стихает.

Я гляжу вниз, на струи, которые стекают с моих волос на обломки серых и белых ракушек.

— Мне надо убрать покупки в холодильник. А потом приду к тебе, — тут же отвечает Дрю.

Судя по всему, искренне. Однако я стараюсь не думать об этом, притвориться, что мне совершенно все равно на его решение. При этом неуверенность в моей душе уступает место облегчению. Вечер в компании Дрю уже звучит куда привлекательнее, чем наедине с бутылкой текилы.

— Хорошо, — киваю я.

— Хорошо, — эхом отвечает Дрю и идет к голубому дому по соседству.

Я направляюсь к своему, желтому, — медленно, несмотря на страшный ливень. Приблизиться к тому, чего избегал столько времени, нелегко. Я боялась возвращения